

I.

Надъ Генеалогіями боговъ Боккаччо работалъ болѣе 20-ти лѣтъ, начавъ ранѣе 1350-го года и по 1372-й, постоянно гло-сируя ихъ, исправляя и оставляя слѣды разновременныхъ замѣтокъ, которыя, казалось бы, не трудно было помирить при пересмотрѣ. Мы уже знаемъ, что до окончательного пересмотра дѣло не дошло¹⁾ и что подобно другимъ большимъ трудамъ Боккаччо, его Филоколо и Декамерону, Генеалогіямъ не суждено было получить окончательной отдељки; авторъ оставилъ ими недово-ленъ до конца, хотя сознавалъ все значеніе своего труда. Плодъ замѣчательной начитанности и терпѣливатаго анализа, онъ грѣшилъ иѣкоторою безформенностью: материа́лы и обобщенія пере-росли планъ, затѣянный въ началѣ, а планъ остался и вызвалъ критику современниковъ²⁾.

Посвятительное письмо къ королю Гуго изложено въ формѣ разговора автора съ Доннино изъ Пармы, служилымъ человѣкомъ³⁾ короля, передавшимъ ему желаніе его величества, чтобы онъ написалъ генеалогіи языческихъ боговъ и пошедшихъ отъ нихъ, по измышленіямъ древнихъ, героевъ, а вмѣстѣ и о томъ, чтѣ славные иѣкогда мужи открывали подъ пеленою басенъ. Малому человѣку не подобаетъ добиваться причины королевскихъ

1) См. выше стр. 209—211.

2) I. XV, с. 3.

3) Militis. См. выше т. I, стр. 96.

побужденій и не приходится говорить о своей неприготовленности¹⁾, дабы это не понято было, какъ желаніе отстранить отъ себя обузу. Боккаччо предпочитаетъ передать свою бесѣду съ Доннино: король уразумѣть изъ нея, какова у него смѣлость, что онъ отважился ему повиноваться.

Распространившись о научныхъ занятіяхъ твоего величества и славныхъ подвигахъ твоего правленія, Доннино сталъ убѣждать меня разными доводами, изъ которыхъ иные казались мнѣ вѣскими, чтобы я исполнилъ твое желаніе. Я отвѣчалъ: Ты полагаешь, быть можетъ, или полагаетъ твой король, котораго и я скоро назову своимъ, что неразуміе древнихъ, побуждавшее ихъ возводить свой родъ къ богамъ, ограничились небольшимъ уголкомъ земли и было непродолжительно. Но ты ошибаешься: оно обняло широкія пространства, началось у сикюнцевъ, быть можетъ, въ пору юности Авраама, и продолжалось до паденія гордаго Иліона, и нѣтъ сомнѣнія, что, гдѣ оно было въ силѣ, тамъ написаны были огромныя книги, чтобы сохранить въ потомствѣ память о богорожденныхъ предкахъ. Сказывалъ при мнѣ Паоло изъ Перуджіи, человѣкъ серьезный и ревностный изслѣдователь такого рода вопросовъ, что онъ слышалъ отъ калабрійца Варлаама, хорошаго знатока греческой литературы: будто въ тѣ времена, когда царило это неразуміе, не было во всей Греціи ни одного властивущаго либо выдающагося мужа, который не доказывалъ бы, что онъ происходит отъ боговъ. А ты хочешь, чтобы я исполнилъ желаніе короля? Но дабы одолѣть такія пространства, горы и пустыни и моря, надо прожить несолько вѣковъ, а еслибъ это и удалось какимъ-нибудь чудомъ, необходимо знать письмена и языки разныхъ народовъ, всюду находить на готовѣ книги, и всѣ безъ изъяна; кто-же наконецъ, обладаетъ — не говорю о себѣ — такимъ умомъ и памятью, чтобы въ состояніи былъ все это увидѣть, уразумѣть, удержать и изложить письменно?

1) Insufficientiam.

Ты присоединилъ еще просьбу: чтобы я истолковалъ, чтò подъ поётшною личиною басенъ скрыли мудрые люди. Ясно, что именитый король считаетъ безразсудными мнениа тѣхъ, которые полагаютъ, что мужи столь глубоко ученые тратили время на сложение басенъ, не имѣющихъ ничего общаго съ истиной и ограниченныхъ лишь внѣшнимъ, буквальнымъ смысломъ¹⁾. Я порадовался этой разсудительности короля, — ты не даромъ говорилъ объ его божественномъ умѣ, — и готовъ былъ бы уступить его желанію, если бы у меня достало силъ. Но вѣдь это дѣло теологіи, того рода теологіи, которую Варронъ называетъ мистической, другое, можетъ быть, лучше, физической; она часто обманчива до смѣшнаго²⁾, но требуетъ большаго искусства. Надо соображать силы и способности человѣка и согласно съ тѣмъ давать ему работу; а я что? Человѣкъ маленький, силь у меня нѣтъ, умъ неповоротливъ, память слабая; если есть кто, кому была бы по плечамъ эта ноша, то это славный Франческо Петрарка, издавна мой наставникъ³⁾, одаренный божественнымъ талантомъ и необычайной памятью, краснорѣчивый; ему вѣдомы исторіи всѣхъ народовъ, значеніе басенъ, однимъ словомъ, всѣ тайны философіи.

Я умолкъ, а онъ отвѣталъ благодушно и привѣтливо: Знаю, что все это правда, сознаю и трудности; но неужели ты думаешь, что нашъ король не сообразилъ всего этого? Онъ разсудителенъ и милостивъ, и не только не желаетъ утруждать кого-бы то ни было, но всегда всѣмъ готовъ оказать помощь. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть и исполнять его велѣнія. Я понимаю, что тѣ народы и ихъ писанія, о которыхъ ты говорилъ, не достижимы; но онъ желаетъ, чтобы ты занялся лишь тѣмъ, что дошло отъ грековъ до латинянъ и что объявилось у самихъ латинянъ, и если не всѣмъ, то тѣмъ, что тебѣ доступно. И до Кипра донеслась

1) Nec praeter literalem sensum habentes.

2) Etsi plurimum ridenda falsitatis habet.

3) Cujus jam diu ego auditor sum.

всесвѣтная слава Франческо Петрарки¹⁾, но судьба не свела меня съ нимъ, можетъ быть, Господь такъ устроилъ, чтобы я поберегъ его, занятаго важными дѣлами, а на тебя, молодого человѣка²⁾, возложилъ почетный трудъ, дабы имя твое, уже начинающее пріобрѣтать извѣстность³⁾, тѣмъ болѣе среди нась прославилось.

И такъ ты полагаешь, отвѣчалъ я, что если, оставивъ въ сторонѣ писанія варваровъ, ограничиться греками и латинянами, можно будетъ написать цѣльный трудъ? Вѣдь этимъ допущенiemъ ты устранишь его большую часть! Но положимъ, мы поступимъ, какъ поступили римскіе императоры, раздѣливъ имперію на восточную и западную; пусть у этого чудовища будутъ двѣ головы, варварская и греко-латинская; вѣдь и съ этимъ ограниченiemъ не достигнуть того, чего ты желаешь. То заблужденіе было древнее, но древни и враги книгъ: пожары, наводненія уничтожили не одну александрийскую библіотеку; первые проповѣдники Христа, нападая на язычество, уничтожили, безъ сомнѣнія, и множество книгъ, наполненныхъ его воспоминаніями. Присоедини къ этому и силы любостяжанія: поэзія не приносить выгода, и книги были заброшены тѣми, кто ничего не видѣлъ выше золота; гибельная ненависть нѣкоторыхъ властителей обрушилась не только на поэтическія, но и на научныя творенія⁴⁾; многаго не

1) Любопытно отмѣтить отрицательное отношение Петрарки къ современному ему Кипру (*Itin. Syr. ed. Lumbroso*, l. c. стр. 42—3): *terra nulla re alia quam inertia ac delitiis nota, quam merito Veneri sacram dixere. Et nunc quoque Veneri, magis quam Marti seu Palladi sacra est. Raro ibi, seu nusquam vir aliquis clarus fuit. Neque enim in molli agro voluptatis virtutum rigida semina coalescunt. Libidinem incolarum terrae coelique fervor indicat. Cum enim regiones tractu maximo soli viciniores grata temperie perfruantur, haec prope contra naturam intolerandis ardoribus aestuat, quasi hominum complexio ad elementa transierit. Noli ibi multum immorari. Non est enim militaris certe neque virilis habitatio. Fastus gallicus, syra mollities, graecae blanditiae ac fraudes unam in insulam convenere. Quod optimum atque pretiosissimum habent, illic, dissimillimus moribus aliunde veniens, iacet Hilarion* (Сл. введеніе къ II й книгѣ Генеалогій).

2) Juventuti tuae.

3) Nuper in aures exire incipiens.

4) Non solum fabularum, sed quarundam facultatum volumina.

пощадило и время. Я не отрицаю, что многое и осталось, но сколько мнѣ извѣстно, ничего похожаго на желаемый тобою трудъ: имена и роды боговъ разсѣяны повсюду, одно найдешь въ этой книжѣ, другое въ другой, придется собирать по мелочамъ. Ужъ лучше отказаться.

Я ожидалъ такого отвѣта, сказалъ онъ, но отъ тебя не отстану. Сдѣлай, что можешь. Неужели и отъ этого ты откажешься? Видно лѣнность¹⁾ подсказываетъ тебѣ отговорки; нѣтъ ничего гнуснѣе недѣятельного юноши. Но будь уменъ, помни, что трудъ все побѣждаетъ, а фортуна помогаетъ смѣлымъ.

Я побѣженъ, говорю я ему, скорѣе твоимъ краснорѣчiemъ, чѣмъ доводами; ты побуждаешь меня, настаиваешь, и хотя-нехотя, мнѣ надо повиноваться.

Такъ спорили мы долго, милостивѣйшій властитель, я и твой Донинно, и я согласился; покинувъ горныя раковины и тощія поля Чертальдо²⁾, я, неопытный пловецъ, пустился на утлой ладьѣ въ море, полное водоворотовъ и скаль; обойду всѣ берега, лѣса и горы, спущусь въ преисподнюю, поднимусь, какъ второй Дедалъ, въ выси зеира; буду собирать изъ безчисленныхъ книгъ останки языческихъ боговъ, полуразрушенныхъ отъ времени, но ужасаюсь при мысли, какъ мнѣ свести ихъ въ одно цѣлое, въ генеалогію; это вѣдь не по силамъ было бы даже Прометею. Потому не ожидай, именитый король, чего-нибудь совершеннаго, какъ-бы много времени и труда я ни положилъ на него, пробѣлы будутъ; я не надѣюсь также, что въ объясненіи тайного значенія, скрытаго подъ корой басенъ, я всегда угадаю мысли составителя³⁾). Кто-бы въ наше время былъ въ состояніи проникнуть въ помыслы людей, давно отжившихъ? Понятно, что относительно ихъ сужденія современниковъ могутъ расходиться, но я успокоиваю себя тѣмъ, что и глаголы

1) *Totpor ignavus.*

2) Сх. выше стр. 61, прим. 3.

3) *Intentionem fingentium.*

вѣчной истины, если они прикрыты тонкимъ покровомъ иносказанія, вызывали множество толкованій. Если я ошибусь въ чёмъ либо, вызову тѣмъ другого, болѣе умнаго; приводя мнѣнія древнихъ, я выскажу, если они покажутся мнѣ неудовлетворительными, и свое собственное, дабы доказать невѣжественныи хулителіи поэтовъ, что хотя они были и не христіане¹⁾, обладали мірскою мудростью, ибо не найдти произведеній человѣческаго ума, гдѣ-бы иносказаніе было такъ художественно²⁾), слово такъ украшено, тогда какъ подъ родословiemъ ложныхъ боговъ раскрываются вѣкія природныя тайны³⁾.

Трудъ будетъ обширнѣе, чѣмъ ты предполагаешь; для удобства я раздѣлю его на книги съ родословнымъ древомъ во главѣ каждой; въ концѣ я присоединю еще двѣ книги, изъ которыхъ въ первой отвѣчу тѣмъ, кто порицааетъ поэзію и поэтовъ, въ послѣдней тѣмъ, кто, быть можетъ, нападеть на меня. Не вини меня, если тебѣ случится прочесть нѣчто, столь противное истинѣ и взаимно противорѣчивое, что того не вмѣнить не только философамъ, но и невѣждамъ⁴⁾; либо иное, не согласное съ хронологіей⁵⁾). Не мое было дѣло порицать это или исправлять, развѣ исправленіе являлось само собою; я только сообщаю, что находилъ, предоставляя разборъ ученымъ⁶⁾.

Ощущая тяжесть предпринятаго труда, Боккаччо призываетъ помощь Божію на свое надменное начинаніе⁷⁾), а хулителіи сулить пониженніе и позоръ и вѣчное осужденіе⁸⁾.

Самосознаніе Боккаччо отвѣчало дѣйствительному положенію дѣла: труда, подобнаго тому, котораго ожидалъ отъ него король и какой рисовался въ его воображеніи, до него дѣйствительно

1) *Catholicos.*

2) *Artificiosius.*

3) *Naturalia quaedam.... occultata misterio.*

4) *Rusticis.*

5) *Pessime temporibus congruentia.*

6) *Disputationes philosophantibus linquere.*

7) *Superboque coeptui meo.*

8) *Aeterna damnatio.*

не существовало. Въ молодые годы онъ сдѣлалъ для себя извлечія изъ *Collectanea Паоло* изъ Перуджіи, въ которыхъ много было миѳологического материала, смѣшанного съ другимъ¹⁾; это было, стало-быть, сборникъ замѣтокъ, выписокъ и толкованій, не задававшійся ихъ систематизаціей. Не видно ея и въ дошедшій до насъ краткой «генеалогії героевъ и боговъ по Паоло изъ Перуджіи», ни въ подобномъ же перечнѣ, носящемъ имена Франческо дельи Альбицци и Форезе деи Донати. Обѣ статьи находятся въ одной изъ рабочихъ тетрадей Боккаччо²⁾, обѣ называются въ началѣ родословной боговъ Демогоргона, какъ и Боккаччо, но онѣ не могутъ быть поставлены ему въ счетъ. Разборъ его источниковъ, его пріемовъ оставить за нимъ заслугу не только болѣе обстоятельного подбора фактovъ, но и методическаго, хотя бы иногда и виѣшняго ихъ свода въ грандіозную родословную, при постоянномъ стремленіи проникнуть въ ихъ суть путемъ иносказательнаго толкованія.

Объемъ и характеръ боккаччевскихъ чтеній извѣстенъ³⁾: латинскіе классики — и средневѣковые энциклопедисты, если они представляли подходящій материалъ; греческіе писатели въ переводахъ или цитатахъ изъ вторыхъ рукъ, но Гомеръ уже прочтены въ подлинникѣ при помощи Леонтия Пилата — въ первый разъ въ новой Европѣ. Данныя греческаго миѳа идутъ наконецъ изъ первоисточника; Леонтій Пилатъ предоставилъ автору результаты своихъ чтеній и воспоминаній, часто легковѣсныхъ и самоувѣренныхъ; пригодились теперь и старыя замѣтки Варлаама; Боккаччо вѣрить ему, нерѣдко съ сомнѣніями, но приводить: вѣдь онъ живой показатель греческой мудрости. Въ латинскую онъ проникаетъ самъ обширнымъ чтеніемъ: экспериментируются поэты, историки; Цицеронъ въ своемъ *De Natura Deorum* и *Divinae Institutiones* Лактанція познакомили его съ теоріей эвгемеризма; въ поискахъ за материаломъ миѳа ему случается раз-

1) *Gen. Deor. XV, 6*; см. выше т. I, стр. 80.

2) См. выше стр. 102.

3) См. выше стр. 84 слѣд.

сказывать неслыханныя басни и исторіи; читателя могутъ отнестись къ нимъ недовѣрчиво, но это ихъ дѣло: онъ почерпнулъ ихъ изъ древнихъ комментаріевъ¹⁾). Разумѣются не только комментаріи въ родѣ Сервіева, но и безымянныя гlosсы, на которыя Боккаччо и ссылается²⁾); таковы могли быть тѣ гlosсы, которыя онъ хотѣлъ занести въ свой экземпляръ Стаци: можетъ быть, гlosсы Лактанція Плацида³⁾! Такъ называемый третій ватиканскій міоографъ извѣстенъ ему подъ имемъ Альберика. Иные свѣдѣнія взяты изъ средневѣковыхъ энциклопедистовъ и грамотѣевъ: Исидора, Рабана Мавра, Ансельма, Папіи и друг.; привлекаются наконецъ и современные авторы. Эти ссылки на «неслыханныхъ древнихъ и неизвѣстныхъ новыхъ писателей» могли возбудить сомнѣнія, но у Боккаччо есть готовый на то отвѣтъ, характеризующій его критические взгляды и колебанія между авторитетомъ древности и нравственнымъ авторитетомъ писателя; между тѣмъ и другимъ объективная критика текстовъ и показаний незримо пролагаетъ себѣ путь. Но древность еще продолжала закупать — и Заноби да Страда наивно извиняется передъ своими слушателями, что такъ часто цитуетъ Петrarку: такому человѣку, какъ онъ, не въ укоръ, что онъ — еще живъ⁴⁾. Древніе писатели были когда-то новыми, отвѣчаетъ Боккаччо, что пережило вѣка, то освящено временемъ; оттуда ихъ значеніе. Будетъ-ли то съ новыми, хотя бы и достойными? Я того мнѣнія, что лишь тѣ изъ нихъ переживутъ, которые получили признаніе въ свое время⁵⁾; такихъ я и привожу въ свидѣтели; либо я зналъ ихъ при ихъ жизни⁶⁾, либо зналъ о нихъ, какъ о людяхъ, всю жизньъ отдававшихся наукѣ, вращавшихся въ обществѣ подобныхъ себѣ мужей, почтенныхъ нравами, ничѣмъ не запятнанныхъ,

1) XV, 5.

2) XV, 6: *glosulas etiam auctoris carentes nomine.*

3) Сл. выше т. I, стр. 108.

4) Ciampi, l. c. стр. 127: *nec enim tanto homini debet nocere quod vivit.*5) XV, 5: *cum ab eorum novitate necesse sit exordium approbationis sumendum.*6) *Cum vivos noverim.*

чъи слова и писанія одобряются всѣми разумнѣйшими. И онъ приводитъ имена Андалоне ди Негро, Данте, Франческо да Барберино, Варлаама, Паоло изъ Перуджіи, Леонтия Пилата, Павла геометра, наконецъ Петrarки¹⁾). Ими мы и займемся.

Петrarка упоминается не разъ, не какъ источникъ миѳологическихъ свѣдѣній, а съ цѣлью панегерика, либо чтобы закрѣпить его словомъ и примѣромъ какое-нибудь общее положеніе. Въ главѣ, посвященной защите современныхъ ученыхъ²⁾), Боккачъ говоритъ о немъ, какъ о своемъ почтеннѣйшемъ учителѣ, недавно вѣнчанномъ въ Римѣ, болѣе достойномъ стоять въ ряду древнихъ, чѣмъ новыхъ знаменитыхъ мужей. Онъ—слава Италии, но его знаютъ Галлія и Германія и далекій уголокъ Англіи и греки, его имя дошло, несомнѣнно, и въ Кипръ до короля Гуго. Многія сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, свидѣтельствуютъ о его божественномъ дарованіи: его Африка, порывающаяся на свѣтъ изъ своего затворничества³⁾; Буколика, знаменитая по-всюду, книга стихотворныхъ посланій къ друзьямъ, два громадныхъ тома писемъ въ прозѣ, столь богатыхъ содержаніемъ, сентенціозныхъ и взящихъ, что добросовѣстный читатель не поставитъ ихъ ниже цицероновскихъ. Извѣстна его Инвектива противъ медика, книга объ Уединенной жизни; вскорѣ явится другая: О средствахъ противъ счастливой и несчастной судьбы⁴⁾; есть у него въ работѣ и еще многое, что мы не замедлимъ про-честь. Такого ли свидѣтеля мнѣ устраниТЬ? Кто ему не повѣрить? Какихъ бы еще похвалъ я не прибавилъ, еслибы недавно⁵⁾ не написалъ о немъ скромнымъ стилемъ⁶⁾!

Если разумѣется біографический очеркъ Петrarки, составленный въ 1347—8-хъ годахъ⁷⁾, то отзывъ Генеалогіи принадле-

1) XV, 6.

2) L. c.

3) Sub conclavi clausa.

4) De remediis ad utramque fortunam.

5) Paulo ante.

6) Tenui calamo.

7) См. выше стр. 114 слѣд.

живь къ первому ихъ наброску. Тогда Боккаччо писалъ по слухамъ, теперь съ восторженностью очевидца и поклонника. Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, что поэтовъ слѣдуетъ изгнать изъ государства; неужели онъ былъ-бы на столько безуменъ, спрашиваетъ Боккаччо, что приказалъ бы удалить и Петrarку? Съ юности ведя безбрачную жизнь¹⁾, онъ такъ страшится мерзостей Венеры, что всѣмъ его знающимъ является собой священный образъ чистоты²⁾; ложь его смертельный врагъ; онъ ненавистникъ пороковъ, святилище истины, украшеніе и веселіе добродѣтели, мѣрило христіанской святости³⁾; набожный, благодушный, благочестивый, на столько скромный⁴⁾, что его зовутъ вторымъ Партенiemъ (какъ Виргилия); онъ — слава поэзіи; увлекательный, краснорѣчивый ораторъ; философія открыла ему свои нѣдра, его умъ не по-человѣчески проницателенъ, его память полна всевозможныхъ свѣдѣній, какія только доступны смертнымъ; оттого его произведенія, въ прозѣ и стихахъ, сияютъ такимъ блескомъ, такъ изящны, такъ цвѣтисто украшены, такъ прельщаются звучностью слова и чудно уснащены изрѣченіями, что, кажется, это дѣло скорѣе божественнаго, чѣмъ человѣческаго ума. Но къ чему распространяться? Онъ болѣе, чѣмъ человѣкъ⁵⁾, и его силы далеко превышаютъ человѣческія. Я расточаю ему хвалы, точно древнему, давно умершему мужу; но, по милости Божіей, тотъ, чьи достоинства я превозношу, еще живъ и здоровъ, и милые хулители, которые не повѣрили бы моимъ строкамъ, могутъ увидѣть его своими глазами. Я не сомнѣваюсь, что на немъ оправдается то, что оправдывалось часто на знаменитыхъ людяхъ: личное впечатлѣніе окажется не ниже молвы, по словамъ Клавдіана; я утверждаю смѣло, что оно окажется выше: таково благолѣпіе его нравовъ, обаяніе

1) XIV, 19: *celibem vitam.*

2) *Honesti.*

3) *Catholicae sanctitatis norma.*

4) *Verescundus.*

5) *Hominem superat.*

рѣчи, привѣтливость и старческое благообразіе¹⁾), что о немъ можно повторить слова Сенеки о Сократѣ: что его слушатели поучались болѣе изъ его нравовъ, чѣмъ изъ устъ.

И въ другихъ случаихъ Петrarка цитуется не иначе, какъ съ эпитетами: славнѣйшій, мой учитель, съ ссылками на трактать обѣ Уединенной жизни въ подтвержденіе отрицательного взгляда на женщину²⁾, на Африку недавно вѣнчанаго поэта³⁾, на его Инвективу противъ врача⁴⁾, эклогу Argus⁵⁾, De Remediis⁶⁾; сообщается его взглядъ на происхожденіе поэзіи⁷⁾ и раскрываются высокія христіанскія пазиданія, скрытые въ иносказаніяхъ его Буколики⁸⁾. Петrarка и Данте приводятся наконецъ⁹⁾ въ свидѣтельство того, что если поэты ищутъ уединенія, то не потому, чтобы они были люди неотесанные, не знающіе нравовъ: они часто водились съ высшими, Данте дружилъ съ Фридрихомъ арагонскимъ, королемъ Сициліи, съ Кане делла Скала, Петrarка былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Карлу IV, королю французскому Иоанну, Роберту, королю Сициліи и Иерусалима и ко многимъ папамъ; былъ бы близокъ и къ нынѣшнимъ, еслибы того захотѣлъ. Отъ Петrarки авторъ ждетъ себѣ и критики¹⁰⁾.

Въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ матеріалу Генеалогій стоять упоминанія Данте. Въ главѣ, посвященной современнымъ писателямъ, которыми пользовался Боккаччо¹¹⁾, онъ говорить, что ссылался и на Данте Алигьери, извѣстнаго флорентинскаго

1) Composita senectute conspicuus.

2) IV, 44; сл. XIV, 10.

3) VI, 58; иначе VII, 29: jam pridem; обѣ Африкѣ XV, 13.

4) VII, 86; XIV, 12.

5) XI, 1.

6) XIV, 10.

7) XIV, 8.

8) XIV, 21; сл. 10.

9) XIV, 11.

10) XV, 14.

11) XV, 6.

поэта, какъ на мужа достойнаго и заслуживающаго прославленія¹⁾, ибо онъ возвышался среди гражданъ своимъ благородствомъ, и хотя состояніе у него было незначительное и семья, а впослѣдствіи и долгое изгнаніе, стѣсняли его, онъ не переставалъ отдаваться естественно-научнымъ²⁾ и богословскимъ занятіямъ, и парижскія школы помнятъ его побѣдоносные диспуты³⁾. И въ поэзіи онъ былъ ученымъ, и лишь изгнаніе лишило его лавра, ибо онъ желалъ бытьувѣнчаннымъ только на родинѣ, чего не допустили. За него говорить его знаменитое произведеніе, написанное имъ въ стихахъ, съ чудеснымъ искусствомъ и на флорентинскомъ діалектѣ, подъ заглавиемъ Комедіи, въ которой онъ проявилъ себя не языческимъ, а христіанскимъ, вдохновленнымъ богословомъ⁴⁾. Его знаетъ почти весь свѣтъ; не знаю, дошла ли его слава и до твоего Величества, обращается Боккаччо къ королю Гуго. Богословомъ, выражавшимъ подъ личиной поэтическихъ вымысловъ священные истины христіанства, Данте названъ и въ другихъ мѣстахъ⁵⁾; въ своей Комедіи, написанной художественно, хотя и на отечественномъ языке⁶⁾, онъ изобразилъ, согласно съ учениемъ церкви⁷⁾, троякое состояніе усопшихъ по смерти. Но что особенно привлекаетъ, это именно дантовскія иносказанія, личные символические образы, къ которымъ Боккаччо относится почти такъ, какъ къ миѳологическому материалу, почерпнутому у классиковъ или изъ ихъ отраженій, настоящему материалу Генеалогій. Эта неразборчивость, характерная черта Генеалогій, объясняется какъ понятною невыработанностью взгляда на значеніе и исторію миѳа, такъ и

1) *Tanquam praecipuum aliquando invoco virum; meretur quidem.*

2) *Physicis.*

3) *Adhuc Julia fatetur Parisius in eadem saepissime adversus quoscumque circa quamcunque facultatem volentes responsionibus aut positionibus suis objicere disputans intravit gymnasium.* Сл. выше стр. 289, 309.

4) *Se non mithicum, sed catholicum atque divinum potius ostendit theologum.*

5) XV, 8; XIV, 10; сл. Com. I, 153.

6) XIV, 22: dato sermone materno.

7) *Juxta sacrae theologiae doctrinam.*

принципіальнymъ отождествленіемъ поэзіи и богословія, то-есть, міеології, со стороны ихъ внѣшнихъ признаковъ: символического языка, аллегорії. Точка зрењня Петrarки и Боккаччо на этотъ вопросъ намъ извѣстна¹⁾: поэты были первыми богословами, поэтические образы повторяютъ и воспроизводятъ міеические. Эволюціонное ученіе вновь откроетъ этотъ взглядъ и воспользуется имъ, какъ руководящей нитью, чтобы усльдить развитіе отъ безсознательного творчества міеа къ сознательному творчеству поэта; но для Петrarки и Боккаччо поэзія представлялась исключительно личнымъ актомъ, въ ихъ пониманіи первые поэты-богословы такъ же творили символы и міеы, какъ изобрѣталь ихъ напримѣръ Петrarка, когда въ своей 10-й эклогѣ воображаетъ себѣ, что тронъ римскихъ императоровъ былъ кленовой, потому что изъ клепа былъ сдѣланъ и деревянный конь, введенныій въ Трою; орудіе гибели стало орудіемъ возрожденія, какъ въ легендѣ о крестномъ райскомъ древѣ²⁾). Съ этой точки зрењня становится понятнымъ, что Боккаччо не отличается старого міеического символа отъ поэтической фигуры, каприза личной фантазіи, либо философскихъ отвлеченій Цицерона. Здѣсь Данте и вступалъ въ свои права: говорится, со словъ Цицерона, объ обманѣ (*Fraus*), сына Эреба—и приводится и разбирается по признакамъ символической образъ Геріона въ XVII пѣснѣ Ада³⁾; глава объ Ахеронѣ⁴⁾ даетъ поводъ къ такому же разбору извѣстнаго эпизода⁵⁾ о старцѣ на островѣ Критѣ, тѣло котораго источаетъ слезы—оттуда адскія рѣки; Виргилій помѣщаетъ Лету въ Елисейскихъ поляхъ, нашъ Данте наверху горы Чистилища⁶⁾; упоминается городъ Дита⁷⁾ и мистическая процессія въ XXIX пѣснѣ

1) Сл. выше стр. 315 слѣд.

2) Fam. XXII, 2.

3) I, 21.

4) III, 5.

5) Inf. XIV, 94 слѣд.

6) III, 17.

7) VIII, 6; сл. Inf. VIII и слѣд.

Пургаторія, съ грифомъ, влекущимъ колесницу и семью свѣтильниками¹⁾.

То же отношеніе обнаруживаетъ Боккаччо къ Франческо да Барберино, канонисту болѣе, чѣмъ итальянскому поэту, человѣку чистыхъ нравовъ, благочестивому и почтенному²⁾). Онъ цитуетъ его въ главѣ о Купидонѣ, сынѣ Марса и Венеры³⁾, вслѣдъ за Цвѣтерономъ, Овидіемъ и Сервіемъ. Дѣло идетъ объ итальянскомъ стихотвореніи Барберино, гдѣ Амуръ изображается съ завязанными глазами, ногами грифа и поясомъ, полнымъ сердецъ⁴⁾. Слѣдуетъ непосредственно цитата изъ Апулея.

Андалоне ди Негро⁵⁾, старый учитель Боккаччо, какъ и Павелъ Геометръ, былъ главнымъ источникомъ астрономическихъ, астрологическихъ и хронологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ Генеалогіяхъ въ объясненіи того или другаго миѳа⁶⁾; къ нему, вѣроятно, восходятъ указанія на арабскихъ астрономовъ Али⁷⁾ и Альбумасара⁸⁾, но онъ же разсказываетъ миѳъ о нимфѣ Гарамантисѣ⁹⁾ и объясняетъ физическими законами басню о Юонѣ, зачавшей отъ латука богиню юности и весеннаго возрожденія¹⁰⁾.

Павла Геометра или Dell' Abbaco, математика и поэта въ извѣстныя минуты, Боккаччо зналъ лично; въ иѣкоторой мѣрѣ онъ былъ посредникомъ между нимъ и королемъ Гуго въ вопросѣ о Генеалогіяхъ Боговъ¹¹⁾). Боккаччо распространяется въ похвалахъ своему собрату, флорентійцу: никому въ его времія

1) XIV, 10.

2) XV, 6.

3) IX, 4.

4) Сл. выше т. I, стр. 296.

5) О немъ сл. выше т. I, стр. 76 слѣд.

6) I, 6; II, 7; III, 21, 22; IV, 5, 16; VIII введеніе; VIII, 2: Andald и Павелъ Геометръ.

7) IX, 4 = Com. I, 481.

8) II, 2, 7, III, 22, VIII, 1.

9) XI, 11.

10) IX, 2: lactucae... sylvestres = frigus intensum.

11) I. XV, с. 13.

арифметика, геометрия и астрологія такъ не открыли своихъ тайнъ, какъ ему, никто не былъ такъ искусенъ въ наблюдепіи свѣтиль собственноручно сдѣланными для того инструментами; не только во Флоренції и Италии, онъ извѣстенъ и далѣе: въ Парижѣ, среди бретонцевъ, въ Испаніи и Африкѣ, гдѣ эта наука особенно въ чести¹⁾. Онъ былъ бы счастливымъ человѣкомъ, еслибы духъ его былъ предпріимчивѣ²⁾ или самъ онъ родился въ болѣе благополучный вѣкъ³⁾.

Съ Паоло изъ Перуджіи⁴⁾ мы возвращаемся къ одному изъ неаполитанскихъ руководителей Боккачью, скромныхъ каменщиковъ грядущаго возрожденія; мы не знали бы о немъ, еслибы благодарный ученикъ не сохранилъ намъ память объ его эрудиціи и знаменитыхъ *Collectanea*. Имя Паоло и связанныя съ нимъ имена Теодонція и Варлаама принадлежать, такъ сказать, къ фундаментамъ Генеалогій, къ ея древнѣйшему остову, который лишь постепенно приращался данными новаго чтенія; тогда къ показанію Паоло присоединились другія, столь же серьезныя или и болѣе вѣскія, и Боккачью разбирался въ нихъ, порой устранивъ мнѣніе Паоло⁵⁾, иногда опираясь на него⁶⁾. Но встрѣчаются и такія главы, гдѣ свидѣтельство Паоло стоитъ одиноко: это, быть можетъ, остатокъ первичнаго наброска, другихъ источниковъ не нашлось. «Димасъ, говоритъ Паоло, былъ сынъ Аона, отецъ Азія и Алексирроэ. Иного о немъ я не читалъ»⁷⁾.

Collectanea Паоло до насъ не дошли; небольшой генеалогическій перечень боговъ и героевъ, сохранившійся съ его именемъ въ замѣткахъ Боккачью⁸⁾, не всегда совпадаетъ съ тѣми дан-

1) У арабовъ. Сл. выше т. I, стр. 96, отзывъ Никифора Григоры.

2) *Si animo erat ardentior?*

3) *Liberaliori saeculo*, XV, 6. Сл. еще въ VII, 2 ссылку на *Andalo et Paulus geometra astrologi ambo*.

4) XV, 6. О Паоло изъ Перуджіи сл. выше т. I, стр. 79—80.

5) IV, 19: *falsum*.

6) V, 20: *solertia Pauli*.

7) XII, 42; сл. XII, 29 и *passim*.

8) Сл. выше стр. 102.

ными, при которыхъ въ Генеалогіяхъ стоитъ имя Паоло. Такъ въ введеніи къ послѣднимъ и въ перечнѣ одинаково цитуются, по поводу Демогоргона, стихи Лукана¹⁾, но напримѣръ Ахеронъ является въ Генеалогіяхъ сыномъ первой Цереры²⁾, въ перечнѣ его отецъ Infernus; тамъ³⁾ и здѣсь отъ Ахеронта пошли Фуріи, Викторія, Аскалафъ и Стиксъ, при чёмъ матерью Аскалафа является нимфа Орне⁴⁾: именно такова форма имени въ перечнѣ Паоло, которую Боккаччо не только удержалъ, но и объяснилъ этимологически; но въ Генеалогіяхъ Fama — дочь земли, самородная⁵⁾, какъ объяснилъ Паоло, тогда какъ въ перечнѣ она дочь Титана и т. д.

Упоминаніе Паола встрѣчается въ 81-й главѣ Генеалогії; не считая повторенія въ одномъ и томъ же отдѣльно⁶⁾. Чаще всего онъ является показателемъ какого-нибудь миѳологического факта, этимології⁷⁾; или онъ записалъ въ Collectanea два разныхъ миѳа о Ярбѣ⁸⁾ — и Боккаччо повторяетъ ихъ, не сводя; либо Боккаччо разсказываетъ басню о земнородномъ Тагетѣ⁹⁾ и о Молвѣ, Fama, которую божественный Виргилій называетъ дочерью земли, Павель же повѣствуетъ о ней слѣдующее¹⁰⁾: въ борьбѣ

1) Bell. c. VI, v 744 слѣд.

2) III, 5.

3) III, 6—10, 13, 14.

4) Ovid. Met. V, v. 539: Orphne.

5) I, 10.

6) Сл. I, 7, 9, 10, 12, 14, 25; II, 9, 12, 15, 21, 29, 31, 38, 44, 48, 50, 68; III, 3, 5, 10, 11, 20; IV, 2, 19, 25—27, 47, 51, 52, 68, 67, 68; V, 5, 20, 21, 28, 39, 49, 50; VI, 1, 2, 17, 19, 23, 39, 40, 45; VII, 5—8, 19, 41, 62; VIII, 7; IX, 18, 19; X, 31, 48, 68; XI, 7, 11; XII, 3, 29, 80, 41, 42, 53, 54, 56, 57, 59, 65, 66; XIII, 1, 18—20; XIV, 8; XV, 6.

7) Сл. I, 7: Paulus in libro, quem Collectionum intitulat, dicit Phanos seu Phaneta idem esse quod apparitio; IV, 63: въ борьбѣ титановъ съ Юпитеромъ Минерва сразила одного изъ нихъ, Палланта, оттуда имя Паллады; XII, 58: название пиратовъ отъ Пирра, сына Ахилла; XIII, 1: Herculem dici ab erix, quod est lis, et cleos — gloria.

8) XI, 11.

9) I, 12.

10) I, 10: talis a Paulo recitatur fabula.

съ гнѣвнымъ Юпитеромъ и другими богами погибли всѣ титаны, сыны земли; ожесточившись, она ¹⁾ произвела мстительницу, Молву, разглашающую преступленія боговъ ²). Приведя по Виргилю характеристику и изображеніе Молвы, Боккаччо иносказательно tolкуетъ басню Паоло: боги—это свѣтила въ ихъ воздействиі на судьбу смертныхъ, по власти, данной имъ Создателемъ; воздействиѣ это необъяснимо, и когда внезапно погибаютъ праведные цари, храбрые воины, люди вмѣняютъ это гнѣву боговъ. Оттого гнѣвны боги, но гнѣвается и земля, то-есть мужественный человѣкъ, ибо всѣ мы отъ персти и стремимся создать себѣ молву, поступая такъ, чтобы наше имя стало извѣстнымъ и сохранилось наперекоръ тѣмъ, кто, убивъ человѣка, полагаетъ, что уничтожилъ его совсѣмъ. Что молва создана съ цѣлью возвѣстить о преступленіяхъ боговъ, означаетъ не что иное, какъ то, что меньшая братія ³⁾, не будучи въ силахъ бороться съ могущественными людьми ⁴⁾, стремится къ мести, позоря ихъ словомъ, безславія ⁵). Что Фама дочь земли—объясняется тѣмъ, что она основана на земныхъ подвигахъ; дѣятель часто остается неизвѣстнымъ; оттого у Молвы и нѣть отца ⁶⁾.

Таково объясненіе Боккаччо; мы не знаемъ, подсказано ли оно Паоло, который въ своихъ толкованіяхъ миѳа является то рационалистомъ, то натуралистомъ, то склоняется къ евгемеристической точкѣ зрѣнія. Гермафродитъ названъ былъ сыномъ Меркурія, ибо Меркурій первый вразумилъ египтянъ, что гермафродиты не чудовища, которыхъ слѣдуетъ выкидывать, а рождаются естественнымъ путемъ ⁷); титанъ Эгеонъ былъ пиратъ, жившій на пустынномъ островѣ Эге ⁸⁾; миѳъ о Мелеагрѣ, скон-

1) Coacto utero.

2) Famam emisit scelerum superum relatricem.

3) Minores.

4) Majores.

5) Illata verbis . . . infamia conantur ulcisci.

6) Съ. Com. I, 225 слѣд.

7) III, 20.

8) IV, 26.

чавшемся, когда мать бросила въ огонь пень¹⁾), съ которыми роковымъ образомъ была связана его жизнь, объясняется такъ, что подъ пнемъ слѣдуетъ разумѣть коренную, жизненную влагу²⁾, изсякновеніе которой и было причиной смерти.

Въ *Collectanea*'хъ Паоло Боккаччо нашелъ италіанскую генеалогическую сказку о Дарданѣ, сыне царя Корита, по имени которого названъ былъ его городъ, нынѣ Корнето³⁾; свѣдѣнія о началахъ поэзіи у грековъ⁴⁾ и пластическое представліе Побѣды, Victoria, отличное отъ тѣхъ, которыхъ встрѣчаются у Клавдіана и Теодонція: она весела, ея вооруженіе покрыто прахомъ и пылью, руки обагрены кровью, она пересчитываетъ плѣнниковъ и добычу; украшенія, въ которыхъ ее изображаютъ иные, принадлежать не ей, а ея сыну, Почету⁵⁾.

Паоло былъ большой книгоочій: онъ цитируетъ Хризиппа⁶⁾, пользовался, по мнѣнію Боккаччо, Августиномъ⁷⁾, Евстахіемъ, вѣроятно, венузинскимъ, которого читалъ Діонисій изъ Borgo San Sepolcro⁸⁾ и Боккаччо не знаетъ. То, что онъ сообщаетъ о немъ, со словъ Паоло⁹⁾, подтверждаетъ его италіянское происхожденіе: дѣло идетъ о школьной сказкѣ въ объясненіе названія той или другой мѣстности. Разсказываетъ Паоло со словъ какого-то¹⁰⁾ Евстахія, что въ царствованіе Спарата у ассирийцевъ Эриданъ, Фаэтонъ тоже, сынъ египетскаго Соляна, спустившись со своими людьми по Нилу, прибылъ, при попутномъ вѣтрѣ, въ заливъ, который мы зовемъ лигурійскимъ. Сойдя послѣ долгаго, утомительного плаванія на берегъ и направив-

1) IX, 19: *stipes*.

2) *Radicale humidum*.

3) VI, 1.

4) XIV, 8.

5) *Honor*, III, 10; сл. 11.

6) I, 14, 25, III, 8.

7) V, 21.

8) Сл. выше, т. I, стр. 38—9, прим.

9) VII, 41.

10) *Nescio quem*.

шись, по уговору своихъ, внутрь страны, онъ оставилъ одного изъ спутниковъ, Генуина, ослабѣвшаго отъ морской болѣзни, и съ нимъ часть людей, въ качествѣ стражей при корабляхъ. Въ союзѣ съ мѣстными, дикими племенами Генуинъ построилъ городъ, которой назвалъ, по своему имени, Генуей; Эриданъ же, перейдя горы, вступилъ въ обширную плодородную равнину и, въ надеждѣ смягчить грубые и жестокіе нравы туземцевъ, поселился у По; судя по словамъ Паоло, Евстахій былъ того мнѣнія, что Туринъ построенъ Эриданомъ и названъ въ начаѣ его именемъ. Тамъ онъ царствовалъ нѣкоторое время, пока не утонулъ въ По, названномъ оттого Эриданомъ, оставивъ сына Лигура.

II.

Говоря о своихъ выпискахъ изъ *Collectanea* Паоло, Боккачью особо упоминаетъ его замѣтки изъ нѣкоего Теодонція¹). Имѣются ли въ виду замѣтки, внесенные въ составъ *Collectanea*, или особый списокъ «генеалогій» Теодонція — рѣшить трудно; говоря, со словъ послѣдняго, о Батиллѣ, сынѣ Форка, Боккачью замѣчается: можетъ быть, онъ (то-есть, Теодонцій) сообщаетъ о немъ и еще нѣчто, «но вслѣдствіи поблекшихъ буквъ²) я ничего прочесть не могъ и болѣе ничего о немъ не встрѣчалъ³).

Свидѣтельствомъ Теодонція Боккачью чрезвычайно дорожитъ, указанія на него, попадающіяся съ первой страницы, разсѣяны въ 169-й главахъ⁴), не считая повтореній; ссылки на

1) Ea quae sub nomine Theodontii apposita sunt, XV, 6.

2) X, 7: literis a litura deletis.

3) Nec aliud usquam alibi vidisse memini.

4) I, введеніе, гл. 3, 4, 5 (см. Com. II, 177—178), 11, 18, 84: II, 2, 12, 18, 21, 33—35, 39, 40, 44, 46—50, 55—59, 68; III, 4, 6 (Com. II, 195—197) 10, 11, 18—22; IV, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 42, 44, 46—49, 54, 58, 62—65, 68; V, 1—3, 6, 12 (Com. I, 393), 16, 19, 30 38—41, 45, 48—51; VI, 32; VII, 1, 6—10, 17, 19, 22, 32, 34, 36, 37, 40, 48; VIII, 1, 4, 7—9, 13, 14; IX, 2, 8, 11, 18, 17 (Com. II, 285), 20, 22, 24; X, 3—5, 7, 9, 10, 11 (Com. I, 203, 204, 206), 16, 24, 28, 29, 31, 33, 48, 50, 52, 53, 58, 62, 68; XI, 2, 3, 10, 11, 16—19, 21, 24, 40; XII, 2, 8, 11, 12, 14, 19, 20, 35—37, 41, 54, 57—59, 62, 66; XIII, 1, 20, 38, 65, 70; XV, 6.

*